

С В Я Т А Я Д У Ш А.

Онъ ушелъ отъ насъ...

Тернистый, крестный путь былъ пройденъ до конца.

Страшно и жутко становится за насъ самихъ.

Еще недавно прошлое воскресаетъ передъ нами. Талантливый ученый экстраординарный профессоръ каноническаго права Петроградской духовной академіи архимандритъ Михаилъ съ жаромъ читаетъ лекціи, съ упоеніемъ пишетъ въ газетахъ и журналахъ, участвуетъ во всевозможныхъ кружкахъ и собраніяхъ.

Въ своемъ служеніи человечеству онъ забываетъ себя. Изъ 9 комнатъ, предоставленныхъ ему академіей, онъ 8 закрываетъ и поселяется въ одной, служащихъ всѣхъ устраниваетъ и обслуживаетъ самъ себя.

И въ своемъ искреннемъ и непредубѣжденномъ служеніи завѣтамъ Христа, онъ, конечно, сразу понялъ фальшь той среды, въ которой находился. Вѣруя въ соборность Церкви, онъ постигъ кощунственное безбожіе нашей реакціи, не могъ скрывать происшедшаго въ немъ перелома...

Онъ становился на сторону раскрѣпостителей церкви. Участвуетъ въ запискѣ 32 священниковъ о реформѣ синодальной церкви. Вполнѣ понятно, что онъ сталъ послѣ этого неприемлемымъ для казенной церкви.

Архимандритъ Михаилъ подвергается опалѣ. Ссылается въ Задонской монастырь на заточеніе. Не заглушаютъ глухія стѣны обители горящаго духа въ Михаилѣ. Онъ открыто объявляетъ себя народнымъ социалистомъ и ищетъ мать Церковь тамъ, гдѣ идеаломъ стоитъ Царствіе Божіе, какъ на небѣ, такъ и на землѣ.

Божіе провидѣніе толкнуло его въ старообрядчество. Архимандритъ Михаилъ, попавъ въ старообрядчество, увѣровалъ въ него и съ присущей ему энергіей отдался служенію Святой Христовой Церкви. Разъѣзжаетъ по городамъ, говоритъ проповѣди, сотрудничаетъ въ старообрядческихъ журналахъ. Знакомитъ всю образованную массу и проповѣдуетъ ей старообрядчество, участвуя почти во всѣхъ первоклассныхъ газетахъ и журналахъ не только въ Россіи, но и за границей.

Но судьба насмѣялась надъ благими порывами Михаила.

Тайное рукоположеніе на канадскую кафедру, хотя совершенное и съ благими намѣреніями—вызвало цѣлую бурю протеста и подозрѣніе на дѣятельность епископа Михаила.

Поѣздка въ Канаду сорвалась на полпути... Въмѣсто свободной проповѣди о старообрядчествѣ въ свобододлюбивой Америкѣ—ночлежка въ Гаврѣ, а затѣмъ скамья подсудимыхъ.

Безропотно, съ глубокимъ смиреніемъ перенесъ владыка наложенное на него епископами наказаніе.

Почти все время онъ прожилъ въ Бѣлоостровѣ въ холодной каморкѣ.

Посѣтители рассказывали, что когда они были у епископа Михаила въ комнатѣ, то у нихъ застывали ноги, хотя они были въ теплыхъ чулкахъ и калошахъ. На вопросъ, какъ вы живете, владыко, вѣдь у васъ 5—6 градусовъ?—владыка, улыбаясь, отвѣчалъ: „ничего, я привыкъ, рядомъ хозяйка квартиру топить, ну около стѣнки и пригрѣюсь“...

Владыка жилъ скромно. Циль чай, о столѣ нормальномъ не могло быть и рѣчи—ѣлъ что попало.

Большую часть времени удѣляя писательству, онъ зарабатывалъ огромныя деньги—отъ 4000 до 6000 рублей въ годъ. И никогда они въ его

Н. Д. Зенинъ и еп. Михаилъ.

карманѣ не лежали. Весь его гонораръ уходилъ на немущихъ, не забывалъ владыка и своихъ родственниковъ по плоти.

Нерѣдко владыка снималъ свои сапоги, калоши и отдавалъ просящимъ. Свой чемоданъ на вокзалѣ клалъ всегда на скамейкѣ, не сдавая въ багажную. Очень часто его обворовывали, пользуясь его простотой.

Владыка имѣлъ всегда возможность найти пріютъ у богатыхъ московскихъ или петроградскихъ купчихъ, но онъ ни разу не воспользовался ихъ гостепрѣимствомъ, а ночевалъ или у своихъ друзей или въ ночлежкѣ.

Епископъ Михаилъ не ушелъ въ пустыню, а жилъ все время въ міру и трудился для міра.

Подобная работа для просвѣщенія не могла быть спокойной. Враги, одни по невѣжеству, а другіе по найму, не оставили его въ покоѣ. Нача-

лась травля. Епископа Михаила стали обвинять въ намѣреніяхъ основать какую-то свободную церковь внѣ старообрядчества. Въ сочиненіяхъ его начались поиски ересей.

Епископу Михаилу было разрѣшено священнодѣйствовать, но при условіи, если онъ, обучившись священнодѣйствію по старообрядческимъ чиnamъ и обрядамъ, поѣдетъ въ Канаду.

При личномъ свиданіи покойный архіепископъ Іоаннъ между прочимъ заявилъ епископу Михаилу, что онъ „не вѣритъ въ искренность его убѣжденій и что онъ... его измучилъ...“

При такихъ условіяхъ епископъ Михаилъ не только отказался отъ мысли поѣхать въ Канаду, но даже просилъ „не разрѣшать ему священнодѣйствія“.

На вопросъ друзей, зачѣмъ онъ далъ такую подписку.—епископъ Михаилъ спокойно отвѣтилъ: „я не хочу, чтобы около моего епископскаго служенія царилъ вражда въ старообрядствѣ“.

Несмотря на такой отвѣтъ, владыка мучился и тяготился запрещеніемъ, о чемъ послѣ высказывался въ письмахъ своимъ друзьямъ, но открыто просить у собора разрѣшенія по своей скромности не могъ, считая и сравнивая подобную просьбу съ домогательствомъ.

Архіепископъ Мелетій видимо старался возстановить нарушенную правду и разрѣшить епископа Михаила, но вмѣшалась новая личность, нѣкто Н. А. Толстой, который заявилъ, что епископъ Михаилъ ставитъ ксендзовъ для католичества и думаетъ основать униатство для старообрядчества.

Казалось бы подобной сплетнѣ довѣрять нельзя, да и самъ Толстой не заслуживалъ довѣрія, такъ какъ самъ вертѣлся между католичествомъ и господствующей церковью, отъ сотрудничества въ „Русскомъ Словѣ“ дошелъ до сотрудничества въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и вообще чело-вѣкъ, хотя и широко образованный, но шаткій въ своихъ убѣжденіяхъ. Тѣмъ не менѣе этой Толстовской баснѣ повѣрили и вновь дѣло было отложено въ дальній ящикъ.

Епископъ Михаилъ не получалъ помощи отъ общинъ и не принималъ подачекъ отъ сильныхъ міра сего. Жилъ исключительно литературнымъ трудомъ. Но и здѣсь его не оставили въ покоѣ. Пресловутый іерей Гр. Карабиновичъ все время писалъ на соборы доклады о его „ересяхъ“. Хотя соборная комиссія признала сборникъ статей Карабиновича о сочиненіяхъ епископа Михаила написаннымъ недобросовѣстно, тѣмъ не менѣе тѣнь подозрѣнія осталась въ силѣ, и сборникъ этотъ все-таки былъ посланъ епископу Михаилу для отвѣта.

Владыка сначала отказывался давать отвѣтъ на грязные доносы написанные въ духѣ сыскаго отдѣленія, но потомъ по просьбѣ друзей далъ отвѣтъ на страницахъ журнала „Старообрядческая Мысль“.

За епископомъ Михаиломъ слѣдили не только въ Москвѣ, но и Петро-

градъ. Одинъ изъ петроградцевъ тайно ночью подкрался къ комнатѣ, гдѣ долженъ былъ ночевать епископъ Михаилъ, чтобы прослѣдить его интимную жизнь. Лицо это къ великому своему удивленію замѣтило, что епископъ Михаилъ въ полночь всталъ на молитву и всю ночь со слезами на глазахъ молился передъ ликомъ Распятаго Христа. Лицо это передало мнѣ, что послѣ этого случая „я не смѣлъ уже грѣшить противъ епископа и молчалъ объ этомъ до самой смерти, боясь огорчить своимъ открытіемъ покойнаго владыку“.

Жизнь въ гоненіяхъ и физическихъ недостаткахъ надломила слабый организмъ владыки. Здоровье его становилось все хуже и хуже. Душа болѣла, нервное разстройство проявлялось все замѣтнѣе и замѣтнѣе. У меня все оборвалось и вымерло—говорилъ владыка.

Теперь епископа Михаила не стало. Все мыслящее старообрядчество оплакиваетъ потерю того, кто всю жизнь проповѣдывалъ „Царствіе Божіе“ радость, счастье, братство здѣсь на землѣ и который не узрѣлъ его.

Миръ праху твоему дорогой владыка. Да упокоитъ тебя Господь въ небесныхъ обителяхъ.

Александръ Зайцевъ.

Слово петроградцевъ на могилу еп. Михаила *).

Божіею волею замолокъ проповѣдникъ, выдающійся богословъ; изъ строя церковныхъ дѣятелей выбыла крупная величина; скончался плодовитѣйшій писатель. Никто изъ современныхъ епископовъ за немногіе годы епископства не написалъ такъ много въ защиту христіанства, какъ почившій епископъ Михаилъ.

Чувствительная потеря и для старообрядчества, но... свершилось: не стало епископа Михаила.

Прекратился его призывъ любить старообрядчество, творить добро, жить по завѣтамъ Христа, помнить объ единомъ на потребу.

Епископъ Михаилъ оставилъ яркій слѣдъ въ старообрядствѣ: своими твореніями онъ давно уже воздвигъ себѣ дивный памятникъ; не мало мѣсть его сочиненій несомнѣнно сдѣлаются любимыми изреченіями для его многочисленныхъ почитателей.

Къ намъ, петроградскимъ старообрядцамъ, ближе чѣмъ къ кому-либо другому, стоялъ почившій владыка; въ стѣнахъ храма Громовскаго кладбища многократно выступалъ онъ съ живымъ, поучительнымъ словомъ.

*) Слово было предназначено произнести при погребеніи еп. Михаила, но не произнесено, вслѣдствіе запрещенія говорить рѣчи—вообще.